

Как возможна классификация религий

М. П. Покровский¹, Е. Н. Васильева²

¹Институт геологии и геохимии им. акад. А. Н. Заварицкого УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация

²Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

Введение. В публикации представлено интервью с М. П. Покровским от 28 апреля 2022 г. М. П. Покровский – современный классиолог, кандидат геолого-минералогических наук, участник классификационного движения 1970–80-х гг. С 1967 г. занимается проблематикой научных классификаций. В 2014 г. вышел его фундаментальный труд «Введение в классиологию», в котором представлена концепция классиологии как науки о классификации и обсуждаются общие и частные вопросы теории классификации. В настоящее время исследователь разрабатывает концепции отраслевой классиологии. В данном интервью основная тема – это вопросы классифицирования религий.

Содержание. В интервью поясняется понятие «классиология» и рассматриваются вопросы методологии и методики классифицирования применительно к такой предметной области как религии. В частности, это вопросы о специфике классифицирования религий, о классификации малоизученных религий, о построении классификации в ситуации отсутствия общепризнанного определения религии, о классифицировании трансформирующихся религий, о включении в классификационное множество тех религий, которые прекратили существование, а также вопрос о том, от чего зависит степень совершенства и развитие классификаций в разных науках, в том числе в религиоведении.

Выводы. Основным выводом явился тезис о том, что классификация адекватно описанных объектов, даже если таковые имеют социальную природу, не имеет дисциплинарной специфики, кроме проблемы выбора свойства в качестве основания классификации.

Ключевые слова: классификация, классиология, методология религиоведения, теория религии.

Для цитирования: Покровский М. П., Васильева Е. Н. Как возможна классификация религий / М. П. Покровский, Е. Н. Васильева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 230–247. DOI 10.35231/18186653_2022_3_230

How the classification of religions is possible

Mikhail P. Pokrovskij¹, Elena N. Vasil'eva²

¹Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry,
Russian Academy of Sciences Ural Branch,
Ekaterinburg, Russian Federation

²Moscow State Linguistic University,
Moskva, Russian Federation

Introduction. The publication presents an interview with M. P. Pokrovskij dated April 28, 2022. M. P. Pokrovskij is a modern classiologist, Cand. Sci (Geological and Mineralogical), a participant in the classification movement of the 1970s–80s. He has been dealing with the problems of scientific classifications since 1967. In 2014, his fundamental work “Introduction to Classiology” was published, which presents the concept of classiology as a science of classification and discusses general and particular issues of classification theory. Currently, the researcher is developing concepts of branch classiology; in this interview, the main topic is the classification of religions.

Content. The interview explains the concept of “classiology” and discusses the methodology of classification in relation to such a subject area as religion. In particular, these are questions about the specifics of the classification of religions, about the classification of little-studied religions, about the construction of a classification in the absence of a universally recognized definition of religion, about the classification of transforming religions, about the inclusion in the classification set of those religions that have ceased to exist, as well as the question of what determines the degree of perfection and development of classifications in different sciences, including in religious studies.

Conclusions. The main conclusion was the thesis that the classification of adequately described objects, even if they have a social nature, has no disciplinary specifics, except for the problem of choosing a property as the basis of classification.

Key words: classification, classiology, methodology of religious studies, theory of religion.

For citation: Pokrovskij, M. P., Vasil'eva, E. N. (2022). Kak vozmozhna klassifikatsiya religij [How the classification of religions is possible]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 230–247. (In Russian) DOI 10.35231/18186653_2022_3_230

[232]

Елена Васильева (далее – Е.В.): Михаил Павлович, в прошлом году исполнилось 40 лет, как был предложен термин «классиология». Что это за сфера знания такая?

Михаил Покровский (далее – М.П.): В 1981 г. В. Л. Кожара предложил обозначать термином «классиология» учение о классификации. Но более чем за 10 лет до этого, в конце 1960-х, я вдруг осознал, что термином «классификация» контекстуально обозначаются три различных понятия: система классов, процедура построения такой системы и процедура отнесения объекта к одному из классов такой системы [3, с. 97]. В 2002 г. я был вынужден дополнить этот перечень ещё одной позицией – комбинаторной, рассматривающей объекты названных трёх типов в неразрывной связи, попарно или все три в совокупности. Таким образом, есть некая область знания, рассматривающая: 1) системы классов (системы типов) объектов, 2) процедуры создания таких систем, 3) процедуры их использования для диагностики объектов и 4) системы, представляющие комбинацию систем трёх только что названных типов.

Е.В.: Допустимо ли классифицировать объекты, если они мало изучены (пример – закрытые религиозные сообщества)? Или сначала нужно досконально изучить их?

М.П.: Это как вопрос о том, что раньше – яйцо или курица. Выдающийся биолог А. А. Любищев говорил, что классификация – это альфа и омега любой науки. Любая наука начинается и итожится классификацией. Процесс этот итеративен, цикличен и может быть инициирован в любой своей фазе: исходная информационная систематизированная картина (классификация) -> в её рамках изучение неких объектов в некотором аспекте, накопление новой информации -> систематизация этой новой информации, приведение в скорректированную с учётом полученных данных систему (модификация существовавшей до этого классификации).

Е.В.: Как Вы думаете, должна ли быть у классификации социальных сообществ своя специфика?

М.П.: Классификация верно и точно описанных объектов, даже если классифицируемые объекты имеют социальную природу, мне кажется, не несёт какой-то принципиально-дисциплинарной специфики. Кроме, разумеется, чисто содержательной проблемы выбора свойства в качестве основания классификации. Например, по идеологическим (теологическим), культово-прагматическим, социально-этническим или др. особенностям религии. Объекты-то классификации в каждой науке – своей природы.

Классификация религий представляется мне построением, *принципиально* не отличающимся от таковых в других отраслях знания и требующим просто корректности в создании.

Е.В.: Первый вопрос, когда речь заходит о классифицировании религий – как это возможно, когда нет общепризнанного определения религии. К тому же, есть большая разница между теистическими и нетеистическими религиями, а также размытая граница между религиозным и нерелигиозным. Отдельная «головная боль» – индуизм: конгломерат самых разных культов, объединённых лишь некоторыми элементами общеиндийского мировоззрения. Центральный предмет религиоведения ускользает от попыток определения. А это значит, в Вашей терминологии, что невозможно вычленить классификационное множество путём описания (определения); можно только перечислением. Но второй путь – это же утопия? В мире, по некоторым данным, более 5000 разных религий. Крупные религии имеют огромное количество разделений, так что, наверное, ни один религиовед не возьмётся точно подсчитать их и собрать достаточно полную информацию. Как возможно проанализировать признаки всего этого многообразия?

М.П.: Сначала отвечу на последнее. Думаю, что проанализировать все признаки всего многообразия религий возможно только в результате бесконечного процесса познания. То есть – никогда.

Говоря же об определении религии, Вы поднимаете две проблемы: «определение множества» и «возможность классификации множества в зависимости от наличия его определения» (можно ли классифицировать множество в отсутствии его определения).

Первое. *Определение множества.* Мне кажется, что скользье Вы говорите о трёх аспектах этой проблемы. Первое. «*Общепризнанность*» определения. Понятие «общепризнанность» расплывчато – всегда найдётся какая-то часть социума, предпочитающая иной вариант чего бы то ни было; и как научная категория оно неконструктивно и потому несостоятельно – трудно предложить процедуру его конструктивного определения (% придерживающихся его?). Стремление к общепризнанности чего бы то ни было (в частности – определения религии) это, по-моему, погоня за фантомом. Стремиться надо, я думаю, к корректности и конструктивности определения, к удачности его для обрисовки некой ситуации или для решения задачи, в частности – стоящей перед вами. Но не к его общепризнанности.

|234|

Второе. *Объективность* определения. Похоже, что Вы хотите понять, «что такое на самом-то деле религия»: так, как будто речь идёт о некой «объективной реальности», которую следует познать, уяснить. И с сожалением констатируете, что «центральный предмет религиоведения ускользает от попыток определения». Так ведь он и будет ускользать, пока мы будем подходить к процедуре определения как к познавательной задаче: «как *узнать*, что такое ...». В своей «Классиологии» я специально посвятил четыре страницы тому, чтобы показать, что вопрос «что такое ...» как познавательная процедура – бессмыслен, ставить его неразумно и решить как познавательную задачу невозможно [1, с. 68–72]. Можно сказать, что давая определение чему бы то ни было, мы не устанавливаем объективную реальность, а всего лишь говорим, что мы имеем в виду, когда говорим о чём-то, что мы называем тем-то. Стремление к «объективности» определения – ещё одна погоня за фантомом. Стремиться надо, я думаю, к корректности и конструктивности определения, к удачности его для обрисовки некой ситуации или для решения задачи, в частности – стоящей перед вами. Но не к объективности его, не к отражению в нём того, что определяемое представляет собой «на самом деле».

Третье. Как же быть, если перечислением классифицируемое множество задать нельзя, религии такие разные и известно их более 5000... На это я могу возразить: откуда известно, что религий – более 5000, если в отношении ни одного феномена из этих 5000 нельзя утверждать, что это – религия? Ведь определения, «что такое религия» нет, а корректно утверждать в отношении чего бы то ни было, религия это или нет, в отсутствие такого определения нельзя.

Предлагаю несколько иной взгляд на ситуацию. Представления о мире и взаимоотношения с ним, базирующиеся на мифологическом начале, могут быть различны. Допустим (условно) – религии, культы, верования, суеверия, магические обычаи или др. Проклятье (и благо) классиологии в том, что любые два объекта имеют и сходство, и различие. Даже практически одинаковые объекты имеют индивидуальные отличия (даже однояйцевые близнецы), и у двух сколь угодно несопоставимых объектов (вроде лягушки и галактики, ЭВМ и ландшафта) всегда найдутся схожие особенности. И в приведённом выше перечне духовных феноменов *можно найти общее*. Для любой их совокупности на этом общем можно построить её определение, обозначив эту группу специальным гиперонимом – придуманным или взятым из научного обихода.

Так же обстоит дело с определением и единичного для приведённого перечня понятия «религия». Поперебирайте то, что вы интуитивно (ибо внятного определения ещё нет) считаете религией, найдите общее для всех и на основе этого формулируйте дефиницию. Другое дело, что интуиция сама по себе вряд ли скажет, резонно ли включать индуизм в число религий, или общие особенности того, что следует называть религией, надо выявлять на множестве, не включающем индуизм. Впрочем, можно посмотреть, что общего у членов множества духовных сообществ, включающего индуизм, и членов множества, не включающего его. Зафиксировать, в чём различие этих двух обобщённых характеристик и решать, резонно ли особенности, составляющие это «различие», включать в определение религии.

Теперь – о возможности классификации множества в зависимости от наличия его определения. Мне привычно говорить о «нормативе классификации» – о том, какой классификация должна быть (и почему она должна быть такой). Но всегда надо помнить, что кроме того, «как оно должно быть», имеет место «как оно есть в реальности» или «как оно есть на сегодня».

Любая корректная классификация должна иметь внятное определение классифицируемого множества. Иначе в классификацию тигров может оказаться включённым матрас – он тоже полосатый. Словом, если вы что-то классифицируете, неплохо бы сказать, что именно вы классифицируете. Звучит почти тривиально.

В конце 1960-х я проанализировал порядка 100 классификаций месторождений полезных ископаемых (далее – МПИ), охватывающих период с 1791 по 1971 гг. [2]. Классификаций, в которых было бы задано классифицируемое множество, я не встретил. Но классификации МПИ появлялись, использовались, служили ориентиром в многообразии накапливаемого материала о месторождениях. Отсутствие определения центрального понятия классификации может быть обусловлено и цеховой атмосферой, расхожестью понятия. Человек предлагает классификацию месторождений полезных ископаемых. Неужели какому-то геологу надо объяснять, что такое «месторождение полезного ископаемого»? Да вот и в религиоведении, как я понял, говорят о 5000 религий, предлагают их классификации, а корректного определения религии пока нет. Возвращаясь же к теме классификаций МПИ, можно констатировать, что, как бы то ни было, в течение 180 лет классификации МПИ появлялись и несомненно как-то служили науке, хотя классифицируемое мно-

[236] жество в них и не было задано. Хорошо это или плохо? С точки зрения теоретической зрелости науки, её методологической корректности и чистоты – плохо. Но это – так.

Если же вернуться в сферу дисциплинированного мышления, можно сказать, что связь определения классифицируемого множества и самой классификации может быть и прямой, и обратной. Можно начать с задания множества и потом, детализируя его, разбивая его на подмножества всё меньшего объёма, создавать классификацию (путь, по преимуществу дедуктивный). Можно строить классификацию, объединяя схожие объекты во всё более и более крупные классы, приводя их в систему, и потом, исходя из перечня типов классифицируемых объектов, обобщая, дать определение классифицируемого множества (путь по преимуществу индуктивный). Может быть и комбинированный, при этом итеративный, путь. Но самое главное – во всех случаях это может быть полуинтуитивной «внутренней кухней» исследователя и вообще не фигурировать в публикации явным образом. А фиксируемый результат во всех случаях будет один и тот же: 1) определение классифицируемого множества и 2) классификация как система классов (типов) объектов, которую можно анализировать и оценивать.

Е.В.: Если мы классифицируем некое отобранное множество, опираясь на достаточно большой набор существенных признаков, то в случае с исторически изменчивыми объектами может возникнуть проблема: в некий промежуток времени, скажем, за 15 лет, у одного или нескольких объектов изменилось несколько признаков. Если бы это был только один признак, то модель этого объекта можно было бы поделить на 2 модели в той временной точке, где произошло это изменение. Но когда меняются несколько признаков, то объект вообще распадается. Какие в этом случае возможны решения?

М.П.: Вы затронули вопрос динамики, временной изменчивости классифицируемых объектов. Вначале хочется предложить чуть более широкий взгляд на ситуацию, потом можно вернуться к классификации объектов, изменяющихся во времени. По содержанию характеристик объекта, служащих основанием классификации, можно выделить следующие разновидности классификаций.

1. Классификация – система типов объектов, выделенных по вещественно-структурным или генетическим особенностям объектов (далее для краткости – «вещественным»). Скажем, – жёлтые, зелёные и синие объекты.

2. Районирование – система типов объектов, выделенных по вещественным признакам, жёстко связанным с пространственными координатами объектов. Скажем, объекты образуют концентрически зональный ореол неких формы и размеров, причём центр ореола составляют синие объекты, промежуточную зону – жёлтые, наружную, периферическую – зелёные. А могли бы образовывать систему параллельных полос различной ширины и различного чередования цветности, или три самостоятельных изолированных одноцветных агломерации.

3. Периодизация – система типов объектов, выделенных по вещественным признакам, жёстко связанным с временными координатами объектов [1, с. 245]. Скажем, объекты образуют три временные совокупности: допустим, самые ранние, формировавшиеся на протяжении 100 лет – синие, позже – в течение 15 – жёлтые, и самые поздние – в течение 240 лет – зелёные. Возможна и относительно-временная чисто качественная классификация: самые ранние объекты – синие, позже них образовывались жёлтые и самыми последними – зелёные. Конечно, кроме названных, условно – простых, возможны и комбинированные случаи. Но давайте, краткости ради, ограничимся этими «простыми» случаями.

Например, в языкознании Н. Н. Пшеничнова говорит об ареальной и структурно-типологической классификации русских говоров (2-й и 1-й названные типы классификаций соответственно) [4]. В геологии историю Земли делят на временные отрезки разного масштаба, от наиболее крупных (от 500 млн до 2 млрд лет) до довольно мелких (от 1,5 млн до 10–15 млн лет). Своего рода иерархия временных отрезков. Каждый такой отрезок любого масштаба выделяется по происходящим в нём геологическим событиям, возникающим в это время геологическим образованиям (комплексы пород и др.) и существующей в это время биоте (так сказать, по «вещественным особенностям» этого периода), а также – по характерному изменению всего названного, в первую очередь биоты – устанавливаются границы этих временных отрезков. Это – 3-й из названных тип классификации.

То, о чём говорите Вы, касается выделения периодов в ходе эволюции классифицируемых объектов с фиксацией рубежей этих периодов. В ситуации, обрисованной Вами, необходимо определить вот с чем. Меняется одна или несколько особенностей объекта, само по себе, мне кажется, не так уж и важно. Важно, стал ли при этих изменениях объект *другим* объектом (объектом другого типа).

[238] Если – да, то следует считать, что на этом временном рубеже существовавший ранее объект перестал существовать и возник объект другого типа. Если нет – объект остался самим собой, хотя и претерпел некие изменения (может быть, очень значительные). Именно в этом и состоит Ваш вопрос, если я правильно понял. В каждом случае надо смотреть конкретику. Если фигурирующие в вопросе признаки действительно существенные, то, скорее всего, сущность поменялась и, значит, объект стал другим. Хотя и остаётся вопрос, поменялась «вся» или «не вся» сущность, что порождает уточняющие вопросы... Если они существенны лишь «по определению», Вами даваемому, – надо всё-таки обращаться к определению сущности и решать, изменилась ли она при наблюдаемом изменении признаков.

Но для общего случая можно предложить такую постановку вопроса: определить, изменилась ли на этом рубеже *сущность* объекта [1, с. 67–116]. Для решения этого вопроса, в свою очередь, можно предложить два приёма. Один – определить, входят ли изменяющиеся особенности в *сущность* объекта. Если нет, т. е. они не существенны, – считать, что классифицируемый объект всего лишь претерпевает изменения, оставаясь самим собой. Если да – считать, что это объекты двух разных типов и классифицировать их соответственно. Другой – то же самое, но «с другого конца»: найти общее в объектах до трансформации и после неё (а общего у них не может не быть), и решить, это общее отражает сущность объекта, существовавшего прежде, или нет. Если да – считать, что классифицируемый объект всего лишь претерпевает изменения, оставаясь самим собой, и классифицировать его как таковой. Если нет – считать, что это объекты двух разных типов и классифицировать их соответственно.

Кстати, в том случае, если это объекты двух *разных* типов, что представляет собой то общее, которое в них есть (и, повторим, – которого не может не быть)? Это – атрибут более общего понятия, отвечающего таксону следующего более высокого иерархического уровня классификации. Скажем, раннее христианство, существовавшее до разделения церквей в XI веке, и католицизм и православие – это всё ведь христианство.

Е.В.: «Классифицировать как объекты двух разных типов...»? Но ведь один из них – объект, уже не существующий. Позволительно ли классифицировать ныне не существующее? Или, если, например, мы хотим классифицировать православную церковь, то вообще не должны учитывать историю её становления и изменения, а можем учитывать только её состояние на данный конкретный

момент времени? Так можно ли классифицировать уже не существующие объекты?

М.П.: Да, конечно. Если известен объект, известны характерные присущие ему особенности, почему же этот объект не может быть включён в таксономическую систему всех объектов множества? В биологии, например, в систематические перечни таксонов определённого ранга включены в том числе вымершие представители. В классификацию могут включаться не только «уже не существующие» объекты, но и «ещё не существующие» – объекты, которые ещё только могут появиться или могут уже существовать, не будучи известными науке. Можно вспомнить прогностическую функцию классификации и предсказания новых химических элементов и новых элементарных частиц, сделанные на основе их классификации.

Не думаю, что в религиоведении предсказание новых форм религий – актуальная проблема. Но фиксация религиозных систем, предковых для современных форм религии или просто предшествующих им – мне кажется и актуальным, и важным аспектом изучения религий. Да и вообще, история, эволюция религий – одна из важнейших составляющих в познании этого духовного феномена.

Я считаю, что история религии наиболее сжато и при этом ёмко может быть описана именно с помощью классификации. С фиксацией в этой классификации *исторических разновидностей религии* как классификационных подразделений.

Е.В.: Напоследок я хотела бы задать ключевой вопрос нашего интервью: как возможна классификация религий? Можно ли сегодня (и вообще) создать классификацию религий, которая бы отвечала основным требованиям классиологии?

М.П.: Боюсь, что огорчу Вас. Реалии мешают дать простые и краткие рекомендации по совершенствованию классификации и столь же ясные и уверенные прогнозы её развития. И побуждают к выделению и анализу самих реалий – различных обстоятельств, которые влияют на появление новых вариантов классификации и на её общее развитие: особенности личной позиции учёного, общей научно-социальной обстановки, социальной контрсуггестии и т. д.

Предлагаю по возможности *объективно* посмотреть на ситуацию. Более 50 лет назад я предложил методiku оценки соответствия классификации общеклассификационным требованиям [1]. (Когда Вы говорите об «основных требованиях классиологии», я думаю, Вы имеете в виду нечто подобное). По этой методике я оценил общие

[240] классификации МПИ и *единичные* классификации из разных отраслей знания [2]. Соответствие сформированному списку общеклассификационных требований оценивалось показателем, изменяющимся от 0 до 1; 0 – полное несоответствие, 1 – полное соответствие заданным требованиям. Для классификации МПИ этот показатель – среднее из 86 классификаций за 180 лет, для классификаций из других отраслей знания – это показатель одной классификации. Учение о МПИ – 0,24; общая биология – 0,41; общая геохимия – 0,40; минералогия – 0,55; минералогическая кристаллография – 0,69; геометрическая кристаллография – 1,00; проективная геометрия – 1,00. Конечно, всё предварительно сказанное позволяет сравнивать эти данные лишь ориентировочно. И всё-таки сомнительно, чтобы разница в приведённых показателях объяснялась разницей в интеллекте или в силе желания авторов классификаций создать наиболее совершенную классификацию. Нельзя сказать, что по сравнению с математиками, скажем, геологи–специалисты по МПИ были примерно в 4 раза глупее или желание создать такую классификацию было у них в 4 раза слабее, а минералоги уступали в этом отношении математикам примерно в 2 раза. Степень соответствия общеклассификационным требованиям классификаций из разных отраслей знания, по-видимому, увязывается с теоретической зрелостью науки. И вряд ли позволяет возлагать надежду в деле совершенствования классификаций исключительно на субъективные намерения классификатора.

Ещё хотелось бы обратить внимание на *объективность процессов развития классификации*. С. С. Розова в 1964 г. предложила классификацию научных классификаций по этапам их развития, которая позже вошла в ее монографию 1986 г. Автор выделяет следующие три вида классификаций, отвечающие трём последовательным этапам развития научных классификаций. *Описательные классификации* – перечень классов, для каждого из которых приводится описание, но не определение; собственно таксономические признаки при этом не формулируются. *Переходные классификации* – в которых сначала для некоторых, потом для всех классов формулируются таксономические (диагностические) признаки, исходя из особенностей объектов, отнесённых к этим классам; таксономические признаки «считываются» с объектов класса, «выводятся из класса». *Сущностные классификации* – в которых набор таксономических признаков, «наработанный» на предыдущем этапе (в классификациях предыдущего вида), организуется системно и такой упорядоченный, систе-

матизированный набор признаков определяет собой набор классов; т. е. классы «выводятся» из системы признаков, а не наоборот, как на предыдущем этапе (при этом, добавлю я, набор классов, сформированный на предыдущих этапах, может потребовать модификации) [5, с. 51–57; 6].

Изученные мной классификации МПИ за 180 лет не прошли эти три этапа. Большинство изученных классификаций были, по С. С. Розовой, описательными, начали появляться переходные. В течение всего анализировавшегося периода средняя оценка качества классификации оставалась низкой (0,24). Но и в этой ситуации в эволюции классификации МПИ обнаружены ритмичность разного порядка (~15 лет, ~50 лет), зафиксированы рубежи нелинейных изменений [2]. Один из них – около 1870 г. – появление и всё большее расширение генетического подхода в классификации МПИ. Примечательно, что примерно в это же время появились эпохальные работы в биологии – в 1859 г. «Происхождение видов» Ч. Дарвина (заложившая начала теории биологической эволюции), в 1866 г. «Исследования над растительными гибридами» Г. Менделя (заложившая начала генетики), в 1864–1866 Ф. Мюллер и Э. Геккель сформулировали то, что сейчас называют законом Геккеля-Мюллера или правилом рекапитуляции – явление сокращённого повторения филогенеза в онтогенезе. Самое крупное деление МПИ (деление на верхнем уровне классификации) преобладает в двух исторических вариантах: первое – в течение примерно 100 лет и второе, с перекрытием около 20–30 лет с первым, тоже примерно в течение 100 лет; в ближайшее время следует ожидать установления третьего, синтезирующего первые два типа. Говорю всё это только для того, чтобы показать на материале эволюции классификаций МПИ: эта эволюция подчиняется неким *объективным закономерностям*. Учитывал ли хоть один из авторов изученных классификаций МПИ эти эволюционные особенности, будучи – объективно говоря – вписанным в них? Любой из них даже не знал об их существовании. Он делал «своё» дело. Как не вспомнить А. Шопенгауэра: «Человек может делать то, что хочет, но не может хотеть по своему желанию».

На языке вертится один из выводов, сделанных в отношении классификаций МПИ по результатам их изучения с помощью упомянутой методики. Вывод, полагаю, без большой погрешности может быть экстраполирован на классификации в других отраслях знания:

«Классификация ... – не только продукт "творческой воли" её автора. Она может рассматриваться как своеобразный объект со своими особенностями, свойства-

[242]

ми, подчиняющийся объективным закономерностям строения и развития. Знание этих закономерностей может помочь при усовершенствовании классификации...» [2, с. 132].

Я думаю, что в религиоведении, наверное, тоже можно найти какие-то общие объективные закономерности исторической эволюции религий и исторической эволюции их классификаций.

Итак, всё, что я сказал до сих пор, отвечая на Ваш вопрос, диктовалось желанием показать, что не всё зависит от персональных намерений автора классификации, что степень совершенства и развитие классификаций в разных науках подчиняется неким закономерностям, изученным пока довольно слабо. Закономерностям, не зависящим или зависящим не только от усилий конкретной личности классификатора. Носителем же и реализатором этих закономерностей является социум.

А что делать в этой ситуации конкретному исследователю, энтузиасту, бьющемуся над той или иной классификационной проблемой? Работать. «Делать, что должно». Непременно надеясь, что результаты его работы могут благотворно повлиять на ситуацию. Но помня при этом и будучи готовым к тому, что самая блистательная классификация, самые «прорывные» результаты, самые ценные методические и методологические находки могут оказаться отторгнутыми, не ассимилируемыми и просто не замеченными.

Для настоящего исследователя есть ценности выше социального признания: логичность и истина, которая всегда проста и ясна (и чем глубже она постигнута – тем она проще и яснее), глубина проникновения в тему, органичная системность созданного научного построения, его эвристический потенциал, в конце концов – изящество и красота этого построения. Франц Эрнст Нейман, известный физик XIX в., многие открытия которого не были опубликованы, где-то в 1870-х гг., отвечая на запрос одной академии о принципах оценки научных заслуг, сказал: «Открытие новой истины само является величайшим счастьем; признание почти ничего не может добавить к этому».

Уместно затронуть некоторые *целевые моменты* работы по созданию новой или совершенствованию имеющейся классификации и определить направления, в которых разумно прилагать усилия.

1. Осмысленное создание классификации предполагает наличие явно сформулированных *требований*. Тема эта звучит и в Вашем вопросе – «соответствие классификации религий основным требованиям классиологии». Определиться с требованиями к классифи-

кации – значит определиться с тем, что мы хотим получить, какими особенностями должна обладать создаваемая классификация. В нашем случае было бы разумным кроме требований общеклассификационных, предъявляемых к *любой классификации* (значит, и к классификации религий), а это – преимущественно формально-логические и в меньшей мере методологические требования, определиться с требованиями к *классификации религий* – преимущественно содержательными требованиями (необходимость строить классификацию религий по тем или иным особенностям религии; по чистой статике этих особенностей – присущести их религии сейчас или в прошлом, или по их динамике – специфике исторического развития религии). Формирование такого списка требований может решаться как фундаментальная, весьма трудоёмкая задача. Но список такой может быть и просто *принят*, зафиксирован как исходные условия решения задачи. Также необходимо помнить: даже при осознанном стремлении исследователя достичь в создаваемой им классификации выполнения всех принятых требований реально это получается не всегда.

Во-первых, потому, что при большом объёме накопленного в науке материала по классифицируемым объектам создание классификации идет с неперменной опорой на него (религиоведение, по-моему, относится к этому случаю). А накопление материала шло отнюдь не методом раскладывания по заранее заготовленным полочкам или в соответствии с некоей системой описания, строжайше унифицированной для объектов любого типа. Поэтому стихийно накопленный в науке материал не всегда легко ложится в строгую классификационную систему. Кстати, в минералогии, палеонтологии, биологии описание объектов более или менее подчиняется единой системе описания (даже если она и не называется так), иногда даже зафиксированной в международных научных институтах. Поэтому не кажутся случайными относительно высокие оценки качества классификаций в этих науках, приводившиеся мной.

Во-вторых, невыполнение отдельных требований может быть связано с отсутствием острой необходимости их выполнения. Например, невыдержанность единства основания деления будет восприниматься весьма остро (как, например, деление кошек на рыжих, длинношёрстых и хромоногих). А числовая выраженность границ классов при некоем уровне развития науки может считаться излишней роскошью (вроде железнодорожного расписания с точностью до секунды). И невыполненность этого требования может не ме-

[244] шать широкому использованию классификации, особенно – удобной в практическом отношении. Всё это не означает, что следует отказаться от совершенствования классификации в плане соответствия всем требованиям. Просто пока этого достичь не удаётся или в 100%-м соответствии какому-либо требованию нет прагматической необходимости. Но развивать классификацию в плане всё большего соответствия фиксированным требованиям – необходимо.

2. *Опора на разработки предшественников.* Момент, как и многое в науке, неоднозначный. С одной стороны, зачем ломиться в открытую дверь, если то, что ты намерен сделать, уже сделали до тебя? И поэтому – надо знать, что до тебя сделано. С другой стороны, – обилие материала... «Он слишком эрудирован в этой области, чтобы открыть в ней что-либо принципиально новое». Конечно, если у вас возникла сверхоригинальная идея по созданию классификации, достаточно беглого, поверхностного просмотра разработок предшественников, чтобы увидеть, делал уже кто-нибудь что-то подобное или нет. Но если вы не гений и сознаёте это, вам лучше с результатами, полученными по вашей теме до вас, ознакомиться основательно.

В религиоведении, насколько мне известно из наших с Вами бесед, накоплен немалый опыт классификации религий (Белл, Пучков, Мелтон, Холэнд, Уорд, Парриш и др.). При этом особое внимание стоит обращать на наиболее общие классификации, классификации «всех» религий и, возможно, на более широкие классификации миропонимания, классификации отражения мира человеком, в которых религия является лишь одним из компонентов. Скорей всего, весьма немногочисленные. Скажем, наука – искусство – религия. Впрочем, разумно не упускать из вида и классификации отдельных, особенно крупных, групп религий. Анализ накопленного – хорошая стартовая площадка для дальнейшего развития темы. Если имеющаяся классификация чем-то представляется вам неудачной или, тем более, для вас она полностью неприемлема – осознайте, чем именно. Отталкиваясь от этого, вы таким образом и определите направление дальнейшей работы по улучшению классификации, по созданию более совершенного его её варианта.

3. *Особое внимание – верхним уровням классификации.* Самые крупные классы (выделяемые на самом верхнем уровне классификации) играют роль едва ли не научной парадигмы. Они наиболее устойчивы исторически (если помните, я говорил, что, например, в классификации МПИ это около 100 лет). Именно они обеспечивают историческую преемственность в развитии классификации,

что чрезвычайно важно в развитии любой системы, ибо обеспечивает её адаптивность к поступлению новых данных: накопление и ассимиляция новшеств в рамках единого стабильного мегакаркаса этой системы. К тому же, чем дольше существует такая система, тем больший опыт она может аккумулировать. И если перечень этих (верхних) классов в чём-то несовершенен, в первую очередь надо совершенствовать его. Что, правда, может вызвать модификацию перечней классов на уровнях, следующих за первым.

4. *Использование алгоритмов классификации, алгоритмов группирования.* Я с высочайшим пиететом отношусь к соответствующему разделу классиологии, объектом которого являются *процедуры построения (создания) классификации*. Однако сам в течение всей своей классификационной биографии привык в этой сфере работать «вручную». По-видимому, потому, что всегда имел обыкновение строить классификацию «сверху вниз»: выделяя сначала наиболее крупные (и потому немногочисленные) группы объектов классификации, подразделяя их на более дробные далее. Причём и то, и другое – по малому числу особенностей, считаемых наиболее важными. Но если работать с огромным массивом объектов классификации, каждый из которых описан большим числом признаков (ситуация, о наличии которой в религиоведении Вы говорили), – алгоритмы группирования, да к тому же с программно-компьютерной реализацией их, могут оказаться очень полезны. Скажем, уже упоминавшаяся Н. Н. Пшеничнова построила классификацию 4195 говоров русского языка по 4416 признакам. Разумеется, с мощной предкомпьютерной разработкой аппарата группирования и подготовкой классифицируемого материала и с компьютерной реализацией. Может быть, и вам, религиоведам, с вашими 5000 религий, описываемых множеством признаков, попробовать подобный подход? Только для этого нужна очень хорошо организованная база исходных данных.

Мне очень жаль, что ответ на Ваш такой алчущий ответа вопрос получился не кратким, ясным и определённым, а таким как получился. Но, думаю, на этот вопрос и невозможно дать простой однозначный ответ, после которого всё станет ясно и следование которому обеспечит появление в ближайшие 5–10 лет безупречной классификации религий. Главное, надеюсь, я показал. Не всё зависит от личных усилий классификатора. Во-первых, он творит не на пустом месте. Его субъективные намерения неявно регламентируются накопленным в научном социуме материалом по теме, пусть и интер-

[246] претированным сколь угодно оригинально и неожиданно, или увиденным в сколь угодно неожиданном ракурсе. Во-вторых, он творит не в вакууме. Восприятие результатов индивидуальной работы, их поддержка и развитие во многом определяет этот неопределённый научный социум. Но всё-таки даже и такой двойственный научно-социальный фильтр не делает усилия отдельного классификатора бессмысленными. Классифицировать значит – думать.

Да, не всё в силах одного исследователя. Но в его силах сделать всё, от него зависящее, чтобы классификация религий становилась всё совершеннее. И чем больше будет таких исследователей и чем самоотверженнее и успешнее будет работать каждый из них – тем скорее появится классификация религий, которая станет действительным лоцманом в море (в мире) религиоведения. Позволяя просто, выпукло и ясно увидеть и в феномене религии, и в религиоведении самое главное, самое глубинное, самое существенное.

Список литературы

1. Покровский М. П. Введение в классиологию. – Екатеринбург: ИГГ УрО РАН, 2014. – 484 с.
2. Покровский М. П. О некоторых результатах анализа и оценки классификаций месторождений полезных ископаемых // Геология и поиски месторождений редких и цветных металлов (Труды Свердловского горного института, вып. 131). – Свердловск: СГИ, 1976. – С. 118–133.
3. Покровский М. П. О требованиях к геологическим классификациям // Геология и поиски месторождений редких и цветных металлов (Труды Свердловского горного института, вып. 81). – Свердловск: СГИ, 1971. – С. 97–107.
4. Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. – М.: Наука, 1996. – 208 с.
5. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1986. – 223 с.
6. Розова С. С. Научная классификация и ее виды // Вопросы философии. – 1964. – № 8. – С. 69–79.

References

1. Pokrovskij, M. P. (2014). *Vvedenie v klassiologiyu* [Introduction to the Classiology]. Ekaterinburg: IGG UrO RAN. 484 p.
2. Pokrovskij, M. P. (1976). O nekotorykh rezultatakh analiza i otsenki klassifikatsij mestorozhdenij poleznykh iskopaemykh [About some results of the analysis and evaluation of mineral deposits classifications]. *Geologiya i poiski mestorozhdenij redkikh i tsvetnykh metallov* [Geology and prospecting for deposits of rare and non-ferrous metals] Trudy Sverdlovskogo gornogo instituta, vyp. 131. Sverdlovsk: SGI. pp. 118–133.
3. Pokrovskij, M. P. (1971). O trebovaniyakh k geologicheskim klassifikatsiyam [About the requirements for geological classifications]. *Geologiya i poiski mestorozhdenij redkikh i tsvetnykh metallov* [Geology and prospecting for deposits of rare and non-ferrous metals] Trudy Sverdlovskogo gornogo instituta, vyp. 81. Sverdlovsk: SGI. pp. 97–107.
4. Pshenichnova, N. N. (1996). *Tipologiya russkikh govorov* [Typology of Russian dialects]. Moskva: Nauka. 208 p.

5. Rozova, S. S. (1986). *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoj nauke* [Classification problem in modern science]. Novosibirsk: Nauka. 223 p. [247]
6. Rozova, S. S. (1964). Nauchnaya klassifikatsiya i eyo vidy [Scientific classification and its types] *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. No. 8. pp. 69–79.

Об авторах

Покровский Михаил Павлович, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Институт геологии и геохимии им. акад. А.Н. Заварицкого УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: pokrovsky@igg.uran.ru

Васильева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-4780-567X, e-mail: falsafa@list.ru

About the authors

Mikhail P. Pokrovskij, Cand. Sci (Geological and Mineralogical), senior researcher, Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: pokrovsky@igg.uran.ru

Elena N. Vasil'eva, Cand. Sci (Philos.), assistant professor, Moskow State Linguistic University, Moskva, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-4780-567X, e-mail: falsafa@list.ru

Поступила в редакцию: 20.06.2022

Received: 20 June 2022

Принята к публикации: 11.07.2022

Accepted: 11 July 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022